

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ: ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ.
Проект 23-28-00860 «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда
в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках»*

В статье рассматриваются вопросы развития скотоводческой отрасли крестьянского хозяйства на Европейском Севере России во второй половине 1920-х гг. Отмечается, что восстановление крестьянской экономики в середине 1920-х гг. не сопровождалось качественными изменениями в ее структуре и связях с внешним миром. поголовье скота достигло максимальных величин в 1926 г. и более не увеличивалось. На численность стада оказывала влияние налоговая политика и начавшаяся коллективизация. Однако основу снижения составляли производственные факторы, вымывание ремонтного молодняка, кормовая база, климатические условия и др. В статье отмечается дисбаланс темпов роста численности скота и крестьянских дворов, что приводило к снижению обеспеченности хозяйства скотом. Попытки улучшения луговых площадей и травосеяние приводили к незначительным результатам. Животноводство обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи региона и в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики.

Крестьянский двор, коллективизация, скотоводство, структура стада, кормовая база, луговодство, травосеяние.

В данной статье автором поставлена цель выявить основные изменения и определить тенденции крестьянского животноводства по завершении восстановительных процессов на Европейском Севере России (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Карельская АССР, АО Коми). При этом автор исходит из ранее обозначенных им выводов о том, что завершение восстановительных процессов в животноводстве крестьянского двора в северной деревне не приводило к качественным изменениям в структуре отрасли. С большой долей осторожности можно говорить о едва намечившейся к середине 1920-х гг. экономической дифференциации северной деревни, которая в основе своей смогла лишь восстановить и укрепить серьезно подорванные натуральные основы производства.

Вплоть до 1929 г. численность поголовья скота в регионе не отличалась стабильностью и сохранялась на уровне 1925–1926 гг., когда в крестьянских хозяйствах был достигнут определенный максимум количества скота [18, с. 112–113]. Приняв за 100,0 % размер стада в 1926 г., можно получить следующую динамику его эволюции: 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 97,8 %, 1928 г. – 105,6 %, 1929 г. – 98,5 %. В Карелии – 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 110,4 %, 1928 г. по отношению к предшествующему году – 111,3 %, 1929 г. по отношению к 1928 г. – 80,5 % [2, с. 121]. Примерно в таких же коэффициентах выглядело изменение численности скота на Европейском Севере в оценках ЦСУ: 1926 г. – 100 %, 1927 г. – 92,3 %, 1928 г. – 109,2 %, 1929 г. – 92,0 % [12, с. 156–161].

В ряде причин, вызывавших замедление темпов роста поголовья скота, основу составляли производственные факторы. Более детальный их анализ будет представлен ниже, но, тем не менее, одну из них необходимо назвать сейчас. Дело в том, что сокращение поголовья скота (кроме лошадей) в 1929 г. в большей степени было мотивировано факторами внеэкономического порядка – начавшейся коллективизацией и политикой раскулачивания деревни, что неизбежно приводило к общему снижению продуктивности сельскохозяйственного производства более состоятельных крестьянских дворов. В 1930 г. количество скота сократилось еще более значительно. Данный вывод находит подтверждение в итоговых материалах весеннего учета скота, проведенного в главном животноводческом округе Северного края – Вологодском – в 1929–1930 гг. Специальный учет скота в Вологодском округе был инициирован краевым статистическим отделом, который преследовал цель выяснить изменения в количестве скота, произошедшие в начальный период коллективизации. Учету подверглись как коллективные, так и индивидуальные хозяйства. Важно подчеркнуть, что весенняя перепись 1929 г. и мартовский учет скота 1930 г. проводились по одной и той же методике, что позволяет сопоставить данные за два года и сделать аргументированные выводы. В среднем по округу перепись скота охватила 10,9 % индивидуальных крестьянских дворов [19, с. 128–135].

В снижении темпов роста поголовья скота, несомненно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в

1926/27 г. в стране была проведена реформа сельскохозяйственного налога, в основу которой было положено обложение совокупного дохода (включая доходы от животноводства) крестьянского хозяйства [20, с. 3–48]. Не сложно предположить, что, стремясь снизить фискальный гнет, крестьянин традиционно прибегал к убою скота или, нередко, к утаиванию от налоговых и учитывающих органов объектов обложения.

Определив общую направленность динамики поголовья скота, посмотрим, в каком направлении эволюционировала его структура. Наметившаяся тенденция роста удельного веса поголовья крупного рогатого скота, начиная с 1928 г. постепенно затормаживалась [18, с. 112–113]. С 1927 г. в структуре стада снижается доля овец. Поголовье мелкого скота, в первую очередь свиней, возросло с 4,6 % в 1926 г. до 5,6 % в 1929 г. С некоторыми колебаниями обнаруживался рост удельного веса тяглового скота с 13,3 % в 1926 г. до 15,5 % в 1929 г. Отмеченные колебания не меняли общей характеристики крестьянского стада второй половины 1920-х гг. – его основу составлял крупный рогатый скот и лошади.

В структуре конского стада на протяжении второй половины 1920-х гг., включая критический 1929 г., наблюдалось устоявшееся и вполне благоприятное соотношение молодняка и взрослого скота. Число рабочих лошадей на протяжении 1926–1929 гг. в Северном крае несколько превышало 80,0 %, оставшееся количество приходилось на молодняк и жеребят, что при всех условиях обеспечивало ремонт стада. В АО Коми в 1928 г. даже наблюдался процесс некоего омоложения конского поголовья. Нерабочие лошади и жеребята составляли в области 26,9 % от численности поголовья [13, с. 23, 24, 58, 59].

В стаде крупного рогатого скота преобладающее положение занимал взрослый скот – 57,14–60,72 %. Значительное повышение поголовья коров в стаде свидетельствовало об одном – стадо принимало более молочное направление. В то же время в структуре стада крупного рогатого скота сложился определенный дисбаланс. Постоянное увеличение числа коров в стаде происходило за счет ремонтного молодняка, прежде всего телят и подтелков. Неоправданно высоким с точки зрения воспроизводства стада было сокращение поголовья бычков младших возрастов. В совокупности все это свидетельствовало об определенном неблагополучии молочного животноводства.

Аналогичные выводы можно сделать применительно к поголовью овец и свиней. Учитывая общее снижение поголовья данных видов скота к концу 1920-х гг., уменьшение доли ремонтного молодняка свидетельствовало о постепенном нарастании кризисных явлений в данной отрасли крестьянского хозяйства. Замедление роста поголовья скота во второй половине 1920-х гг. при одновременном увеличении численности крестьянских хозяйств сказалось на обеспеченности скотом крестьянских дворов. В 1926 г. в регионе в среднем на хозяйство приходилось 1 голова тяглового скота (в том числе 0,83 рабочих лошади), 2,87 головы крупного рогатого скота, в том числе 1,74 коровы, 3,11 головы мелкого рогатого скота (овец и коз), 0,32 головы свиней. Наиболее обеспеченными скотом (в первую очередь, рабочими ло-

шадьми и коровами) оказывались хозяйства Вологодской губернии, традиционно отличавшиеся развитой сельскохозяйственной специализацией [3, с. 56–63].

В 1927/28 г., по сравнению с 1926 г., в регионе обеспеченность крестьянских хозяйств скотом уменьшилась [17, с. 174–183].

Рост численности крестьянских дворов в Вологодской губернии за 1924–1927 гг. в большинстве посевных групп оказывался выше темпов роста поголовья скота, приходившегося на эти посевные группы. Адекватный рост был присущ лишь VI и VII посевным группам (от 4,1 до 8,1 дес.), отчасти – VIII группе (с посевом свыше 8,1 дес.) [16, с. 6–8; 25, с. 2–4].

Данное обстоятельство дает основание утверждать, что по завершении восстановительных процессов произошедшая во второй половине 1920-х гг. перегруппировка поголовья скота по посевным группам в целом не свидетельствовала об улучшении обеспеченности тягловым и крупным рогатым скотом основной массы крестьянских хозяйств. В абсолютном большинстве дворов, в хозяйстве по-прежнему содержалась одна лошадь и одна корова. Только в VIII посевной группе преобладали двухлошадные и многокоровные (трех- и четырехкоровные) дворы.

Основу крестьянских хозяйств АО Коми и Северо-Двинской губернии в 1924–1928 гг., так же как и в Вологодской губернии, составляли однолошадные и одно- и двухкоровные дворы. Причем если в АО Коми доля однолошадных и двухлошадных дворов несколько возросла за счет сокращения хозяйств, не имевших рабочего скота, то в Северо-Двинской губернии, наоборот, снизилась за счет возрастания удельного веса безлошадных дворов [4; 6].

Характер обеспеченности крупным рогатым скотом, прежде всего коровами, соответствовал выявленной тенденции: в структуре дворов также преобладали одно- и двухкоровные дворы, причем их удельный вес несколько снижался за счет возрастания доли бескоровных и четырехкоровных хозяйств. В Северо-Двинской губернии удельный вес последних в 1927 г. увеличился по сравнению с 1924 г. с 2,4 % до 5,1 %.

Наряду с организационно-производственными факторами основной причиной медленного роста поголовья скота в регионе являлось состояние кормовой базы, основу которой составляло сено с естественных кормовых угодий (заливные и суходольные луга, лесные, полевые сенокосы и болотные сенокосы). Качество лугового фонда на Европейском Севере традиционно считалось высоким. Между тем в 1920-е гг. сенокосные угодья во всех северных губерниях более чем на половину состояли из низких по качеству лугов. Наиболее продуктивные заливные луга располагались в поймах рек Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны и Юга. В Северо-Двинской губернии на их долю приходилось лишь 27,0 % кормовой площади [6].

Лучше обстояло дело в Архангельской губернии. Здесь, по данным 1927 г., на долю заливных лугов приходилось 47,4 % всего лугового фонда. При внешней схожести природно-климатических условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство Карелии и Архангельской губернии, карельская деревня была несравненно хуже обеспечена сеном. Основу кормо-

вой базы в республике составляло сено, получаемое с лесных и болотных пожен (около 66,0 % всех луговых угодий). В 1927–1929 гг. в Карельской АССР на долю заливных лугов приходилось лишь 26,0–26,4 % всей площади сенокоса. Причем более 60,0 % заливных сенокосов составляли менее качественные «осочные» сенокосы [1, с. 150; 21, с. 154].

В отличие от пашни, расширение сенокосных угодий происходило крайне медленно. По подсчетам автора, за период с 1925/26 по 1928/29 гг. луговая площадь в Архангельской губернии увеличилась (за счет расчисток, распашек неудобий, осушения болот и др. мелиоративных работ) с 188 400 га до 194 700 га или на 3,3 %, составляя в 1929 г. 104,1 % к уровню 1917 г. [14, с. 19; 15, с. 30; 21, с. 154; 22, с. 130; 23, с. 423; 24, с. 128].

В Карелии с 1927 г. по 1929 г. площадь лугов возросла (главным образом за счет лесных и болотных лугов) всего лишь на 5133,58 га или на 2,3 %.

В конечном итоге низкие темпы роста луговой площади неизбежно сказались на уровне обеспеченности ими крестьянских дворов. Если в середине 1920-х гг. кормовая потребность наличного стада крестьянского скота сполна обслуживалась естественной кормовой площадью вместе с продуктами, даваемыми экстенсивным полеводством (в силу чего крестьянин не ощущал потребности в дополнительном получении корма за счет сеянных на пашне трав), то уже к концу 1920-х гг. сложился ощутимый дисбаланс луговой площади и площади пашни. Для рациональной организации сельского хозяйства оптимальным считалось соотношение пашни и сенокоса как 100 : 150. В 1924/25 г. в Северо-Двинской губернии в мелкопосевных хозяйствах данная пропорция равнялась 100 : 132, а для крупнопосевных – 100 : 135, т. е. выглядела сравнительно удовлетворительной [11, с. 18].

Ситуация стала меняться к концу 1920-х гг. Более быстрые темпы роста пашни в Северо-Двинской губернии изменили в худшую сторону отмеченную пропорцию, и в 1927 г., например, она равнялась лишь 100 : 81,7 [7].

Относительное расширение стада неминуемо вызывало, с одной стороны, – улучшение качества естественных лугов, с другой стороны, – необходимость в искусственном производстве кормов. Урожайность лугов постепенно увеличивалась, но все же оставалась крайне низкой, не превышая в течение всех 1920-х гг. в среднем 20 ц сена с 1 га луговой площади. Следует подчеркнуть, что при экстенсивном характере лугового хозяйства на Европейском Севере продуктивность лугов находилась в прямой зависимости от погодных условий. Особенно неурожайным был 1926 год, что наиболее ярко проявилось в Архангельской губернии и привело к сокращению продуктивности [15, с. 29].

Крайне плохие погодные условия наблюдались и в 1928 г. Понизились валовые сборы зерна, но еще более неудовлетворительно обстояло дело с урожаем естественных трав.

Не случайно, что во второй половине 1920 гг. абсолютно во всех регионах Европейского Севера площадь под посевами однолетних и многолетних трав постепенно увеличивалась, но даже в Вологодской

губернии, отличавшейся наиболее зрелыми формами полевого травосеяния (по сравнению с 1900–1910 г. в 1927 г. площадь сеяных трав в губернии увеличилась с 0,03 % до 5,4 % посевных площадей), крестьянское хозяйство постоянно испытывало затруднения с фуражом и сильными кормами. Как отмечалось в экономическом обзоре сельского хозяйства Вологодской губернии за 1928 г., «естественные кормовые ресурсы только по Вологодскому и Кадниковскому уезду на 1928/29 год не обеспечивают животноводство кормами свыше чем на 2 000 000 пуд сильного корма. Несмотря на ряд усилий, которые губерния в течение ряда лет направляла в целях подведения кормовой базы под продуктивное животноводство, ... вышеупомянутые два уезда только с большим напряжением сводят свой кормовой баланс» [9].

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что восстановление довоенного поголовья скота на Европейском Севере, довольно значительно пострадавшего за годы I-й мировой и Гражданской войн, сопровождалось соответствующим восстановлением структуры и половозрастных пропорций стада.

Восстановление поголовья скота, достигнутое к середине 1920-х гг., значительно не изменило производственные характеристики крестьянских дворов. Абсолютные показатели восстановления и роста численности скота не находили адекватного преломления в конкретном крестьянском дворе. Наблюдался процесс постепенного усреднения крестьянских хозяйств по количеству голов скота на двор, что вполне объяснимо, учитывая тенденцию масштабного увеличения численности крестьянских дворов, которая значительно опережала темпы восстановления скота.

Вторая половина 1920-х гг. отличалась постепенным ростом поголовья. Уровень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом оказался довольно высоким, хотя преобладающим типом дворов в регионе оставался однолошадный двор. По условиям Европейского Севера данный тип двора был наиболее экономичен и соответствовал характеру полеводства. Нагрузка рабочей лошади, которая определялась количеством обрабатываемой ею пашни или сенокосов, с каждым годом возрастала, достигнув в 1928 г. 2,78 га посева (101,1 % нагрузки за 1916 г.), или 3,85 га пашни (97,8 % нагрузки 1916 г.) при существовавшей норме 3,94 га на рабочую лошадь [6]. В АО Коми, по сведениям за 1928 г., наблюдалась даже своего рода «перенасыщенность» крестьянских дворов тягловым скотом [5].

Несколько иная ситуация имела место в отношении крупного рогатого и других видов скота. Во второй половине 1920-х гг. наблюдалось снижение темпов прироста поголовья и даже определенная стагнация. По-прежнему среди крестьянских хозяйств преобладали однокоровные и двухкоровные дворы. По причине снижения удельного веса и качественных параметров ремонтной части в целом замедлились темпы обновления стада. В основе обозначившейся тенденции лежали факторы экономического порядка, и прежде всего ухудшение кормовой базы. В 1929 г. статистика зафиксировала катастрофическую убыль практически всех видов скота, что было связано в большей степени с внешними по отношению к кре-

стьянскому двору факторами и, прежде всего, начавшейся коллективизацией деревни и раскулачиванием.

В итоге на протяжении второй половины 1920-х гг. животноводство обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи и в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики.

Источники и литература

1. Автономная Карельская социалистическая республика. Ежегодник. Вып. III. 1928. – [Петрозаводск] : Изд. Стат. упр., 1929. – [2], XXIV. – 271 с.
2. Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV. 1929. – [Петрозаводск] : Изд. Стат. упр., 1931. – [2], VIII. – 219 с.
3. Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края : материалы специальных экономических обследований. – Ленинград : Северо-Двинская губ. Плановая комиссия, 1929. – 220,63, III с.
4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 28, 29.
5. ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 29.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 142, 143.
7. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 121.
8. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 102.
9. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 125.
10. ГАВО. Ф. П–1853. Оп. 13. Д. 79. Л. 131.
11. Дербенев, А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923–24 году на основе изучения его бюджета / А. Г. Дербенев ; под редакцией зав. Губстатбюро А. А. Манакова и чл. президиума Губплана А. Н. Бачурихи-на Сев.-Двинск. губплан, Сев.-Двинск. губстатбюро. – Великий Устюг : Б. и., 1925 (тип. изд. «Сов. Мысль»). – 58 с.
12. Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. – Москва : Планхозгиз, 1930. – 258 с.
13. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : статистический сборник / Центр. упр. народнохозяйств. учета Госплана СССР; под ред. И.В. Саутина. – Москва ; Ленинград : Госпланиздат, 1940. – 218 с.
14. Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927–28 год / Архангельск. губплан. – Архангельск : тип. т-ва «Призыв» им. т. Склепина, 1928. – 62, [1] с.

V.A. Sablin

PEASANT ANIMAL HUSBANDRY IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: DEVELOPMENT PARAMETERS

The article was prepared with the financial support of the RGNF. Project 23-28-00860 “Autochthonous factors of the Vologda dairy brand creation in retrospect of the development of animal husbandry in the European North of Russia in the 20–21 centuries”

The article deals with the development of the cattle-breeding branch of the peasant economy in the European North of Russia in the second half of the 1920s. It is noted that the restoration of the peasant economy in the mid-1920s was not accompanied by qualitative changes in its structure and relations with the outside world. The number of livestock reached its maximum values in 1926 and did not increase any more. The size of the herd was influenced by the tax policy and the beginning of collectivization. However, the basis of the decline was production factors, washing out herd replacements, fodder, climatic conditions, etc. The article reveals an imbalance between the growing rates of the livestock and the number of peasant households, which led to a decrease of livestock in the farms. The attempts to improve meadow areas and grass planting were not significant. Animal husbandry provided the consumer and production needs of peasant families in the region and to a very small extent corresponded to the plans of the authorities to modernize the economy.

Peasant household, collectivization, cattle breeding, herd structure, fodder base, meadow farming, grass sowing.

15. Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928–29 год. / Архангельск. губплан. – Архангельск : тип. т-ва «Призыв» им. т. Склепина, 1928. – 56 [1] с.

16. Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП (б). – Вологда : Типо-лит. акц. о-ва «Северный печатник», 1927. – 98 с.

17. Материалы по районированию Северного края: описание края, его округов и районов / Плановая комис. Сев. Края. – Архангельск : [б. и.], 1929. – 183 с.

18. План сельскохозяйственной производственной компании на 1929/30 год / Сев. краев. земел. управление – Архангельск : тип. из-ва «Правда Севера» им. т. Склепина, 1930. – 135 с.

19. Пушкарев, В. К итогам мартовского учета скота в Вологодском округе / В. Пушкарев // Хозяйство Севера. – 1930. – № 4–5. – С. 128–135.

20. Саблин, В. А. Сельскохозяйственный налог в Вологодской деревне в годы нэпа. (Анализ налоговых кампаний 1921/22 – 1929/30 гг.) / В. А. Саблин // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вологда, 2001. – Вып. 2. – С. 3–48.

21. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год: с прил. территориальных итогов Приполярной переписи 1926 года, сведений о посевных площадях, урожае хлебов, картофеля и сена и о количестве скота в 1928 году / Архангельский губ. стат. отд. – Архангельск : Изд. Архгубстатотдела, 1929. – XII, 111, 350, [2] с.

22. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год: с прил. предварит. сведений о посевных площадях, количестве скота и ожидаемом урожае в 1926 г. / Арханг. губ. стат. бюро. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1926. – X, 80, 272 с.

23. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы / Арханг. губ. стат. бюро. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1925. – XXXV, [1], 703, [1] с.

24. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год: с прил. сведений о посевных площадях, количестве скота, урожае хлебов и трав в 1927 г. и показателей роста Арханг. губ. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1927. – X, 90, 277, [2] с.

25. Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). – Вологда : ВКП(б) Вологодский губернский комитет, 1927. – 8 с.